

Находившийся сверху Хань Бинхуань, очевидно, занимался этим впервые: движения его были грубыми и неумелыми, но в них странным образом сквозила пугающая, неистовая ярость.

Это было заметно хотя бы по одежде Сюй Сы, которую тот превратил в летящие по ветру лоскуты.

Бывалый вояка Сюй Сы, столкнувшись с таким Хань Бинхуанем, не на шутку струхнул. Мать честная, да он же после такой экзекуции душу Богу отдаст! Видя, что Хань Бинхуань явно не в себе и лишь тупо пытается содрать с него штаны, Сюй Сы решил просто отдать их добровольно, лишь бы поскорее сбежать.

Однако он не ожидал, что даже в полубезумном состоянии интеллект Хань Бинхуаня останется при нем: тот мертвой хваткой вцепился ему в лодыжку и притянул обратно.

Сюй Сы изо всех сил прикрыл самое дорогое, наотрез отказываясь разжимать руки. В обычной ситуации ему нечего было бы скрывать, но проблема заключалась в том, что теперь он — евнух, и там у него пусто, что выглядело донельзя убого.

Наконец, когда мешающая одежда была полностью сорвана, тело Сюй Сы подверглось нашествию, подобному саранче.

— Эй, слушай ты! Ладно еще целоваться, но кусаться-то зачем? Грызть-то зачем? Ты можешь хоть немного померить пыл?

— А-а-а, больно, больно, больно!

— Твою мать, ты что, прикончить меня решил?

— М-м-м...

Кому-то в рот запихнули кляп.

Неизвестно, сколько еще продолжалась эта чудовищная битва, но она стихла лишь тогда, когда зачинщик обессиленно рухнул, а жертва потеряла сознание.

— Кхм-кхм, это запись с места эксперимента над человеческим телом в рамках проекта wtr890. Как видно из записи, проект все еще имеет некоторые несущественные побочные эффекты, научные исследования требуют доработки. — Раздался электронный голос, после чего 2333 выключил запись и тяжело вздохнул.

Когда Сюй Сы, похожий на потрепанную тряпичную куклу, пришел в себя, уже занимался рассвет. Неопишуемая, разрывающая боль в интимном месте заставляла его мечтать лишь о том, чтобы схватить первое попавшееся оружие и прикончить этого мерзавца.

Но, увы, тот был его целью, да и к тому же... побить его он был не в силах.

Из-за ожесточенного сражения одежда Сюй Сы пришла в полную негодность, поэтому Хань Бинхуань отдал ему свое окровавленное Одеяние Летящей Рыбы, а сам, оставшись в испачканном травой белом нижнем белье, сидел на берегу реки и молча смотрел на воду.

Ц-ц-ц, вид у него был такой раскаявшийся, что не хватало только сигареты после секса, чтобы остыть.

Сюй Сы плотнее закутался в Одеяние Летящей Рыбы и с трудом поднялся на ноги. Поясницу

пронзила слабость, он чуть было не рухнул обратно. Все тело словно рассыпалось на части. Сюй Сы немного полежал, собираясь с силами, но как только попытался снова встать, в поле его зрения возникли черные сапоги на атласной подошве.

Он поднял голову: лицо Хань Бинхуаня было обращено против солнца, из-за чего черты казались неясными, угадывался лишь холодный, суровый контур.

— Кто ты такой? — спросил тот, глядя на него сверху вниз.

— Ого, только что миловались, а теперь ты делаешь вид, что не узнаешь? — с дрожью в голосе ответил Сюй Сы.

В этот раз он совершил слишком много оплошностей, оправдаться было невозможно, оставалось лишь сжать зубы и стоять на своем.

Хань Бинхуань смотрел на это наглое лицо, чувствуя невыносимое раздражение.

Свое собственное неадекватное и грубое поведение он понять не мог, а уж то, что объектом стал главный евнух, — тем более. Но в тот момент его воля была ясна, невероятно ясна. Он помнил каждую реакцию тела Цзян Ина, помнил свои собственные яркие порывы и острое наслаждение.

Он не мог найти этому объяснения.

Это заставляло его невольно вспоминать, как в детстве он застал своего отца... и вот теперь он сам... При этой мысли к горлу подступила тошнота, и его вырвало.

Сюй Сы: «...»

Мало того что использовал его по полной, так еще и язвит как мастер.

Ох, как же обидно.

10. Я просто хочу иметь причиндалы 10

Ци Юань, сохранивший остатки совести, после того как потушил пожар и схватил убийц, вспомнил о своих двух любимых военачальниках, хотя только что фактически их подставил.

Когда два цзиньвэя, прятаясь за камнями у реки, увидели своего командующего, перед ними предстала следующая картина: Хань Бинхуань и Глава ведомства стояли друг против друга, обмениваясь глубокими, полными страсти взглядами. Глава ведомства, одетый в Одевание Летящей Рыбы командующего, сидел в соблазнительной позе, плечо было обнажено, глаза полны обиды и влаги — зрелище, вызывающее жалость. А их командующий стоял с помрачневшим, сложным выражением лица, в помятом белье, испачканном травой и грязью.

Что еще страшнее, вокруг Главы ведомства валялись обрывки одежды, а на его обнаженной шее и ключицах виднелись подозрительные синяки. Сцена была до крайности двусмысленной, и не пуститься в воображаемые дали было трудно.

Чжао Сю, прослуживший рядом с Хань Бинхуанем много лет, набрался храбрости и заговорил:

— Прошу прощения за опоздание с подмогой, командующий, вы... вы целы?

Произнося это, Чжао Сю украдкой взглянул на Главу ведомства. Похоже, пострадавшим был вовсе не их командующий...

Сюй Сы, поймав этот изучающий взгляд, свирепо посмотрел в ответ. Затем он распустил и без того слабую прическу, и черные волосы водопадом рассыпались по плечам, скрывая железные доказательства «преступления» Хань Бинхуаня.

Хань Бинхуань нахмурился, мельком взглянул на Чжао Сю и холодно произнес:

— Отдай мне свою одежду.

Чжао Сю опешил, но тут же принялся поспешно раздеваться. Да что там одежда, если бы потребовали жизнь, он бы отдал — командующий был благодетелем всей его семьи.

Чжао Сю сообщил, что отсюда до лагеря целых пять ли.

Оказывается, их унесло так далеко? Сюй Сы цокнул языком, а затем с тяжелым вздохом посмотрел на стоявшего перед ним рыже-коричневого, полного стати коня.

У двоих цзиньвэев, конечно, было всего две лошади, а это значило, что ему придется ехать в седле с Хань Бинхуанем.

Ехать вместе — полбеды, вопрос в том, как ему сейчас вообще сидеть верхом?

Его пятая точка уже выражала яростный протест, а в голове сама собой закрутилась песенка: Хризантемы увяли, повсюду шрамы...

— Может... я лучше дойду до лагеря пешком? — решительно заявил Сюй Сы.

Что такое пять ли? Ли — это пятьсот метров, пять ли — две с половиной тысячи метров. Неужели он спасует? Исключено.

И он твердо зашагал вперед, переставляя ноги, которые дрожали, как две макароны. Он втянул живот и подобрал ягодицы, передвигаясь крайне странной походкой.

Хань Бинхуань мрачно смотрел на упрямую спину, его взгляд естественным образом опустился на ягодицы идущего. Он отвел глаза и подъехал ближе.

— Садись, — раздался над ухом ледяной голос.

Садись? Самому лезть? Не дождетесь. Сюй Сы сделал вид, что не слышит, и, прихрамывая, продолжил свой бесконечный путь.

В следующую секунду в пояснице стало тесно, ноги оторвались от земли, и чья-то сила подняла его в воздух. Хань Бинхуань подхватил его длинной рукой, приложил немного усилий, и Сюй Сы оказался прочно прижат к седлу.

В довольно неловкой и постыдной позе — животом на бедре Хань Бинхуаня.

Задом кверху...

Так-то заднице стало легче, но сердце Сюй Сы обливалось кровью: какой позор. Хорошо, что это лицо не его собственное, иначе он бы опозорился так, что о нем слагали бы легенды в самом Государстве Лофэн.

Всю дорогу лицо Сюй Сы тесно соприкасалось с упругим и мощным животом коня. Каково это — получать по лицу лошадиным животом? Ритмичные шлепки были весьма ощутимы.

Так как вся верхняя часть тела свисала вниз головой, желудок Сюй Сы начало скручивать — это напомнило ему кошмар в парке аттракционов, когда он был во власти центробежной силы. Он помнил, что стоило механизму остановиться, а ремням безопасности ослабнуть, как он бросился прочь и его вывернуло наизнанку. Ощущения были такие, будто он готов был выплюнуть собственный желудок.

— Я... я больше не могу, — продержавшись всю дорогу, Сюй Сы наконец не выдержал и, уцепившись за бедро Хань Бинхуаня, приказал остановиться.

После того как его стошнило и он снова оказался в седле, Сюй Сы решил, что лучше уж сидеть нормально. В конце концов, не привыкать менять позы, верно? Да, он справится.

И вот Сюй Сы начал беспокойно ерзать в седле, устраиваясь поудобнее. Левая ягодица затекла — он переместился на правую, и так без конца.

— Не двигайся, — процедил сквозь зубы Хань Бинхуань, напрягшись всем телом. Сюй Сы, подняв глаза, увидел, как у того на челюсти вздулись желваки.

При покачивании лошади поясница Сюй Сы коснулась чего-то странного. Сопоставив это с выражением лица Хань Бинхуаня, он внезапно замер, боясь пошевелиться.

Черт возьми? Неужели я потерял о какую-то выдающуюся деталь?

Но смущение длилось всего две секунды. Кто такой Сюй Сы? Он — типичный представитель наглых и бесстыдных, верный последователь принципа око за око, мастер коварных интриг. Раз уж ты сотворил со мной такое, не пощадишь ни тела, ни души, то, как только представится шанс, я покажу тебе, как надо давать сдачи!

Давай, действуй! Времени еще полно! Сюй Сы задействовал все доступные мышцы и начал вилять бедрами, словно маленький моторчик.

Трение, трение — на трясущейся спине коня, трение.

— Кхм-кхм... — на ледяном лице Хань Бинхуаня появилась трещина, шею залил подозрительный румянец. Он дважды кашлянул, чтобы предостеречь его, но, обнаружив, что человек в его объятиях продолжает свои мелкие движения, не прекращая трения, понял: в глазах Хань Бинхуаня эти развратные движения выглядели как неприкрытое соблазнение.

Прищурившись, Хань Бинхуань одной рукой натянул поводья, а другой крепко обхватил Сюй Сы за талию и сильно сжал. Сухая, теплая ладонь сквозь слой халата прижалась к пояснице, а горячее дыхание обожгло мочку уха. Черт, это же самое чувствительное место!

Сюй Сы обмяк всем телом и мгновенно притих.

В ходе той затянувшейся «битвы» умный господин Хань уже молча запомнил, какие части тела Главы ведомства на какую стимуляцию как реагируют.

Наверное... это и называется врожденным талантом в сочетании с коварством.

Сюй Сы признал поражение.

Вернувшись в лагерь, Хань Бинхуань и Сюй Сы помылись, переоделись и, приняв подобающий вид, отправились к Ци Юаню докладывать о безопасности.

Сюй Сы где-то раздобыл лунно-белый платок и, как в западном ресторане, повязал его на шею. Эх, хоть что-то прикроет, и то хлеб.

— Получили ли вы серьезные ранения? — Ци Юань держал в руках чашку с горячим чаем и слегка дул на него. Увидев, что оба целы и невредимы, он задал вопрос.

— Благодарю за беспокойство, Ваше Величество, лишь легкие ссадины, — опустив голову, ответил Хань Бинхуань.

Ты-то, конечно, не получил, все твои «ранения» были вылечены тем самым скверным возбуждающим зельем, — про себя съязвил Сюй Сы, в то время как на лице его сияла приторная, подбострастная улыбка.

— Ваше Величество, о вчерашних убийцах. Тридцать человек были убиты на месте, восемь взяты живыми. Как прикажете поступить?

Как только Сюй Сы вернулся, Цзян Сяочуань доложил ему об итогах вчерашнего дня, так что у него были все данные.

— Были ли у тех убийц татуировки? — Ци Юань не спеша отпил чаю, внешне выглядя безразличным, но в глазах его сверкал острый блеск.

— Так точно, — честно ответил Сюй Сы.

— Как вы считаете, на кого была нацелена эта дерзкая банда?

В воздухе на мгновение повисла тишина.

Раздался низкий голос Хань Бинхуаня:

— Они пришли за наследным принцем.

Разве это не очевидно? — Сюй Сы мысленно закатил глаза.

— Я и наследный принц находились здесь, но убийцы проигнорировали меня, сосредоточив всю мощь на принце, за которого себя выдавал Цзян Ин. О чем это говорит? — Ци Юань с глухим стуком поставил фарфоровую чашку, расписанную эмалью, и перевел взгляд с доклада на столе прямо на них.

Императорское величие давило на плечи, Сюй Сы глубоко прочувствовал смысл этого выражения и склонил голову еще ниже.

О чем это говорит? О том, что исключается вариант с попыткой свержения власти и смены династии. Если бы целью было это, то убивать нужно было не принца, а самого Императора.

Убийцы пришли только за принцем, намереваясь устроить переворот и сменить наследника.

А самым прямым и главным выгодоприобретателем от свержения принца является...

— Похоже, я вырастил неблагодарного щенка, — Ци Юань глубоко вздохнул, и на его суровом лице отразилась усталость.

Когда Ци Юань взошел на престол, он сам прошел через жестокую борьбу за трон. Интриги, подковерная борьба, уничтожение одних ради победы над другими — он прекрасно знал об опасностях и опасался их. Чтобы не допустить подобного в следующем поколении, он рано назначил наследника и тайно, а порой и явно, укреплял его позиции.

Кто бы мог подумать... что среди его сыновей все еще найдутся амбициозные претенденты на трон.

Он потер переносицу, голос звучал крайне утомленно:

— Ступайте, выясните, кто этот непутевый сын.

— Слушаюсь, Ваше Величество. — Сюй Сы и Хань Бинхуань, получив приказ, пятясь, вышли из шатра.

— Слышал, вчера пятый принц, защищая государя, получил стрелу, — сказал Хань Бинхуань по дороге.

— Оу, — ответил Сюй Сы, безразлично пиная камешки и глядя на макушку Хань Бинхуаня, чувствуя себя подавленным.

Ему казалось, что отношения с целью стали ближе, конечно, только в физическом плане, но это тоже прогресс. И какой стремительный и потрясающий скачок, почему же полоска здоровья ни на йоту не сдвинулась?

Нет, он должен постараться еще больше. Даже ради госпожи Сюй он не может позволить себе топтаться на месте.

— Господин Хань, — тихо позвал идущий рядом человек. Его голос, намеренно пониженный, звучал нежно, как вода, с вибрирующими нотками, которые, словно перышко, щекотали самые нежные уголки сердца.

Хань Бинхуань нахмурился: что этот человек опять задумал?

Знакомый аромат приблизился, пара серьезных глаз впиалась в него. Встретившись взглядами, Хань Бинхуань проиграл и отвел глаза.

Сюй Сы прямо взялся за дело: он насильно повернул это мрачное, красивое лицо к себе и продолжил свой жгучий, сосредоточенный взгляд.

Раньше этот трюк всегда срабатывал безотказно, покоря сердца бесчисленных юношей и девушек. Все говорили, что, хотя обычно он ведет себя развязно, в моменты серьезности в нем просыпается особое очарование.

— Могу ли я питать к вам нежные чувства?

Признание в вопросительной форме — лучший способ проявить джентльменство и тронуть сердце.

Сюй Сы плотно сжал губы, взгляд был сосредоточен, брови слегка нахмурены, даже легкая тревога и ожидание были сыграны безупречно. Он был готов сам себя расцеловать.

Хань Бинхуань слегка опешил.

Раздался звонкий хлопок: он бесцеремонно сбил руку Сюй Сы со своего лица, на котором читался гнев.

— Главе ведомства не стоит забавляться с господином Ханьем, я не тот, с кем можно играть.

Сказав это, он, не оглядываясь, взмахнул рукавами и ушел.

Сюй Сы: «...»

Опустив голову, он пробормотал:

— Хань Бинхуань, ну ты и крепкий орешек...

□Системная подсказка: площадь психологической травмы цели снизилась до 59%.□

В голове внезапно раздался механический голос системы.

Сюй Сы сначала замер, а потом запрыгал от радости.

Хань Бинхуань, ты, чертов гордец!

11. Я просто хочу иметь причиндалы 11

Хотя показатели снизились всего на 0,01, в глазах Сюй Сы это было похоже на рушащееся здание — успех был уже близок.

После вчерашнего беспорядка у всех пропало желание охотиться, и осенняя охота завершилась лишь формально: император и принцы подстрелили пару зайцев и оленей, после чего вернулись домой.

Цзиньивэй отправили одного военачальника сопровождать заключенных в Бэйчжэньфусы. Маскировка Сюй Сы была раскрыта, поэтому на обратном пути он уже не мог ехать в императорском паланкине и был вынужден мучиться верхом.

В другое время он был бы только рад верховой езде. Раньше он путешествовал по степям Хулун-Буир во Внутренней Монголии, прожил там полмесяца и специально обучился верховой езде, чтобы вволю скакать по прериям.

Ветер в степи отличается от городского, полного пыли и запаха асфальта — это был совершенно новый, освежающий ветер, казалось, несущий в себе неизвестный аромат. Позже Сюй Сы тщательно обдумал это и решил, что этот аромат — естественный запах, который человек источает в моменты радости, нечто вроде нейрогормонов.

Как сейчас.

Если бы не невыносимая боль в заднице, он бы с удовольствием наслаждался поездкой и пейзажами.

Даже несмотря на мягкую подушку на седле, это было как попытка остановить кипящую воду — капля в море, боль пронзала раз за разом.

Пока он мучился, Хань Бинхуань весело болтал с заместителем, не устаивая его даже

взглядом.

В конце концов, вчера он признался в чувствах, и у них была близость, а на следующий день — холод как от чужого человека? Сюй Сы почувствовал, что это несправедливо, а когда Сюй-малыш чувствует несправедливость, он любит напоминать о себе.

Он подъехал к тому самому заместителю, прочистил горло, и оба они одновременно посмотрели на него.

Через плечо заместителя Сюй Сы обратился к Хань Бинхуаню:

— Хуань-хуань, вчера ты был так неистово силен.

Как только слетело слово «Хуань-хуань», бедный заместитель вздрогнул, а когда услышал вторую часть фразы, чуть не свалился с лошади.

Лицо Хань Бинхуаня окрасилось в самые невероятные цвета, словно его отравили пятью видами ядов.

— Что Глава ведомства имеет в виду? — он приподнял бровь, и из его глаз полыхнул ледяной холод.

Заместитель сжался, переводя взгляд с Главы ведомства на своего командующего, и замотал головой, как погремушкой. Почему атмосфера кажется такой... странной?

Сюй Сы слегка изогнул алые губы, в глазах замелькали искры кокетства, он полностью проигнорировал мрачное лицо Хань Бинхуаня:

— Хуань-хуань, вчера ты сделал мне так больно.

Он нахмурился и прижал руку к груди, изображая болезненную слабость:

— М-м... так больно.

Заместитель сейчас сомневался в своих ушах, в своей картине мира и в самой жизни, особенно когда увидел, как Глава ведомства с застенчивым видом и нежными, полными чувств глазами посмотрел на господина Ханя. Ему захотелось выколоть себе глаза.

Чтобы не мешать этой странной «живописной» сцене, он решил тихо придержать поводья и молча отступить. Возможно, этим двоим нужно время и пространство.

— Чего ты добиваешься? — Хань Бинхуань понял, что с этим наглым Главой ведомства ничего поделать нельзя. Может... отравить его? Или отправить посидеть в тюрьме Бэйчжэньфусы?

Сюй Сы, конечно, не осознавал мрачных мыслей Хань Бинхуаня и продолжал торжествовать:

— Я же сказал, ты мне приглянулся. С сегодняшнего дня ты — человек моего Восточного двора.

Произнося это, Сюй Сы чувствовал, что он чертовски крут. Он всегда хотел попробовать сказать что-то вроде «весь этот пруд теперь твой», этот стиль властного босса был таким приятным!

У Хань Бинхуаня непроизвольно дернулся уголок рта, а затем он произнес фразу, от которой у

Сюй Сы возникло ощущение, что этот человек определенно притворяется овечкой, будучи тигром.

Он прищурился и с легкой усмешкой, охрипшим голосом произнес:

— Что? Всего лишь одна ночь удовольствия, а Глава ведомства уже не может без меня обойтись?

Эта фраза прозвучала как гром среди ясного неба, поразив Сюй Сы до глубины души. Этот парень... эй, кто бы мог подумать, что он такой мастер?

Сам заварил кашу, теперь расхлебывай. Сюй Сы выдавил из себя улыбку и спокойно ответил:

— Господин Хань, звучит так, будто я жажду только вашего тела.

— Прошу прощения за свою тупость. Кроме этого, я не могу придумать другой причины, почему я удостоился такой чести. — Выражение лица Хань Бинхуаня было скованным, до крайности неестественным.

Да не то что ты, я сам не могу этого придумать.

Сюй Сы внутренне выл, но твердо решил не показывать Хань Бинхуаню ни капли фальши, иначе все усилия пойдут прахом.

Поэтому Сюй Сы по привычке начал изображать глубокомыслие, глядя в небо под углом сорока пяти градусов:

— У господина Ханя есть свое уникальное очарование, о котором он, боюсь, даже не подозревает.

<http://bllate.org/book/19095/1875331>